

Её звали Мадина...

Елена Санникова

ПРЕДИСЛОВИЕ

В холодные февральские дни 1995 года бомбимый и рушащийся Грозный облетела весть о гибели Мдины Эльмурзаевой — самоотверженной медсестры, которая оказывала помощь раненым и хоронила убитых в самый разгар боевых действий в Грозном. "Женщина, ставшая легендой" — так называлась публикация о ней в "Грозненском рабочем" в 1997 году.

Две-три кратких публикации в местных малотиражных газетах — это все, что было написано тогда о Мдине. Но слава о ней опередила официальные признания. И если с кем-нибудь из жителей Грозного вы заговорите о Мдине, то, возможно, услышите: "А-а, это та, которая подорвалась на mine, вытаскивая убитого или раненого..."

Мадина Эльмурзаева родилась в 1958 году в селе Лермонтов-Юрт, в многодетной семье Сайдали Эльмурзаева, ветерана войны. Есть люди, в которых с самого детства проявляется и ключом бьет неистощимый источник светлой энергии. Такой была Мадина. Отличница в школе, помощница в семье, радость родителей и окружающих. Она любила поэзию, писала стихи и рассказы, хотела учиться на филологическом факультете, но судьба распорядилась иначе. Мадина стала медсестрой. Работала в 1-й грозненской городской больнице, полностью отдавая себя делу сострадания и милосердия.

Когда в декабре 1994-го на Грозный обрушились ракетно-бомбовые удары, Мадина не покидала своего рабочего места и не допускала мысли куда-либо выехать из Грозного. В больницу поступали раненые. 30 декабря Мадина ушла на дежурство, где и оставалась до Нового года. В новогоднюю ночь — ночь штурма — жители города перебрались в подвалы. Из больницы невозможно было выйти: все пространство вокруг простреливалось. Новый год медсестры встретили в больнице.

Второго января Мадина Эльмурзаева, рискуя жизнью, вышла из обстреливаемой больницы, нашла месторасположение войск, объяснила, что в больнице мирные люди. Затем под белым флагом вывела медперсонал и больных, способных самостоятельно передвигаться. Часть людей она провела к Консервному заводу, откуда отправляли беженцев. Верггулась домой, но никого там не застала. Детей, племянников и сестру нашла в подвале детского сада, где, спасаясь от бомб, собралась вся округа: семьи со стариками и детьми из близлежащих многоэтажек. В детском саду был запас продуктов, кровати и матрацы. Это очень выручило людей.

Но просто так отсиживаться в подвале Мдине было невозможно: на улицах — трупы, в домах — раненые. Сначала Мадина попросила мужчин помочь ей захоронить трупы вокруг детского сада. Хоронили, предварительно описав отличительные черты погибших, если при ком-то находили документы — забирали. Потом Мадина стала ходить по домам — узнавать, не нуждается ли кто в первой медицинской помощи. Таких оказалось очень много. И Мадина организовала небольшую бригаду для такой вот повседневной работы: оказывать под обстрелом помощь раненым и хоронить убитых. Бригада получилась интернациональная. В нее вошли и чеченец Руслан Исаев, и русский парень Валерий Кривошей, и армянин Карен Дадаян, — все, волей судьбы встретившиеся в одном бомбоубежище. Из белых простыней им сшили балахоны, из красных лоскутов — красные кресты. Такая одежда защищала от пуль, от произвольных задержаний.

В середине января российские военнослужащие стали выгонять людей из подвала детского сада. Угрожали, что закидают гранатами. Мадина попросила сестру уехать и увезти детей. В подвале садика обосновалась российская военная часть. А Мадина со своей группой перебралась поближе к Консервному заводу.

Небольшой домик, в котором они разместились, стал местом, куда люди шли за помощью. Каждый день Мадина перевязывала раненых. Лечить приходилось и российских солдат, и боевиков, но главным образом — тех, кто больше всего страдал от войны: мирных жителей.

В конце января группа Мадина получила официальный статус Красного Креста Чеченской Республики. Им выдали удостоверения, легче стало проходить через блокпосты.

Как свидетельствует последняя запись в дневнике Мадина Эльмурзаевой, 10 февраля были найдены остатки исчезнувшей накануне машины, выделенной Красному Кресту для работы. В ней погибли два сотрудника Мадина — Карен Дадаян и Асланбек.

Делая эту запись в своем дневнике, Мадина не знала, что за Кареном и Асланбеком наступает ее черед.

В тот же день она выехала в отдаленную часть города, в поселок Войкова, чтобы вывезти смертельно раненого человека, но нашла его уже мертвым. Когда Мадина положила на носилки тело, прогремел взрыв. Труп оказался заминирован.

Трое детей Мадина — Билал, Бэлла и Азамат — остались сиротами.

Мадина не раз признавалась своим близким, что боится умереть от случайной пули, хотя под пули шла, доверяясь судьбе. "Если уж смерть суждена, то лучше — чтобы при исполнении своего долга", — говорила она.

Это желание Мадина исполнилось. Но гораздо больше того ей хотелось жить...

Дневник Мадина Эльмурзаевой, сохраненный ее родными, начинают записи конца 1992 года. К бурным политическим событиям тех дней она относилась с тревогой. Мадина не сочувствовала вихрю идей независимости республики, критически относилась к политике Джохара Дудаева, но и в многочисленных митингах оппозиции тоже не участвовала. Для нее, ежедневно спасавшей жизни людей, "политические страсти" виделись опустошающим и разрушительным началом. "Что происходит в моей маленькой древней республике?... Ведь идет самоуничтожение нации..." За полгода до начала войны она писала: "Что ждет Чечню? Я не вижу будущего, или мне страшно его представить".

Женщина верующая, знакомая с глубоким опытом молитвы, пишущая стихи и прекрасно владеющая словом — она не понимала, как можно пленяться жадной наживы, власти или какой бы то ни было поверхностной идеей. "Мне жаль людей, которые не смотрят вслед журавлям и не желают им счастливой дороги, которые не замечают, как красиво падают листья и как прекрасно расцветают яблони весной. Мне их жаль — тех, кто не понимает вечность".

Политический хаос в республике тяжело сказывался на повседневной жизни с тремя детьми-подростками. Но Мадина не пыталась сменить низкооплачиваемую работу медсестры, и в нищете умела согреть и достойно воспитывать детей. Свободное время она посвящала книгам, стихам, дискуссиям о литературе в Доме Печати. С трепетом и восторгом она описывает творческий вечер поэта Апты Бисултанова в холодном, неотопляемом зале за месяц до ввода войск и начала войны.

Всего десять листков тетради дневника успела исписать Мадина за два месяца войны, вплоть до своей гибели. Но эти строки написаны так, что вряд ли найдется человек, который прочтет их равнодушно.

Дневник Мадина Эльмурзаевой свидетельствует о тонком и трепетном отношении к жизни, о светлой и проникновенной душе, о человеке высоком, талантливом и одаренном.

Я надеюсь, что благодаря этой книге о Мадине Эльмурзаевой узнают далеко за пределами Грозного и Чечни.

Елена Санникова

ДНЕВНИК

29 ноября 1992

Зима вступает в свои права. Начались первые заморозки. О Аллахе, что-то происходит с моей душой, и в голове столько мыслей, что кажется иногда, будто я схожу с ума.

...Была передача, выступали директора профучилищ. Говорили о нехватке рабочих рук на заводах. Да их скоро вообще не станет! Работать нынче не модно. Нынче нужно быть "телохранителем", "предпринимателем", "перекатчиком воздуха", "фарцовщиком"...

Мой город, ты сегодня нам вместо отца. Потерян стыд, утрачена совесть. Несчастные парни, кому сегодня вы хотите продать нас? Вы позорите себя, наш закон ставите наравне с деньгами. Моя земля, они не отрезвятся от жажды наживы. Продадут с могилами...[1]

6 июня 1993

Республика в хаосе. Из рядов изгоняются умные люди, а не умные распределяют государственное имущество...

Я — чеченка. Значит, я из племени тех людей, о которых в свое время Лев Толстой говорил: "Это гордый, красивый и свободолюбивый народ".

Но идеи Президента не свободолюбивые. Он идет неправильным путем, мне так кажется. [Зачеркнуто: "я в этом уверена" — ред.] Если Человек уверен в своей правоте, он не будет собирать толпу и делать то, что он делает, от ее имени, а будет действовать от своего липа... За Президентом стоит не "народ", он глубоко заблуждается. Растущее поколение, т.е. паши дети, презирают его за то, что он лишил их детства. Они должны в свои 10-13 лет просить милостыню, работать, чтобы хоть как-то просуществовать.

8 июля 1993

Деньги — грязь, но без них никуда. Иногда материальная сторона ставит в тупик. Нестабильная обстановка в республике. Непостоянство... Дети, которых я хочу воспитать умными, красивыми, благородными... Да, мне тяжело. Но я верю в свою судьбу, она всегда была ко мне благосклонна. Я воздаю Аллаху за Его покровительство. Всевышний меня милует, несмотря на грехи...

8 октября 1993

Жизнь — река, которая зависит от погоды, от места, по которому она протекает. Если приложить усилие, можно повернуть ее в другую сторону.

Жизнь может вынести все, что попадет в ее русло, может замерзнуть, или, играя, резвясь и искрясь на солнце, продолжать свой путь. Сносить обрывы, выходить из берегов, а порой быть умеренной и спокойной, чтобы можно было долго глядеть на прекрасную изгладь реки.

Жизнь... Чего только не переносит человек? От высших благ до благ ничтожных... Все может перенести он. Власть над ним удерживает Время всесильное.

14 февраля 1994

Жизнь продолжается. Годы берут свое, с каждым днем я все больше чувствую свой возраст, свою ответственность за детей, за их благополучие. Вырастить их так, чтобы я с гордостью могла сказать: вот плоды всего, что я претерпела...

У меня, как и у всех людей на этой грешной земле, есть свои недостатки и ошибки, но человек должен стараться избавляться от них. И я избавляюсь...

Любовь к поэзии у меня не проходит с годами. Наоборот, я чувствую необходимость писать...

24 февраля 1994

Вчера Чечня отметила 50-летие со дня выселения. Траурный день, памятный день, день, когда пролилась кровь безвинных людей, детей. День, когда мой народ, не зная и не ведая, что с ним делают, согнали с обжитой родной земли. Как скотину на бойню людей загоняли в товарные вагоны и увозили неведомо куда. Нет... Этот день, дорогой президент, не может быть Днем возрождения. Как бы Вы его не называли, люди, видевшие весь тот ужас, будут в этот день с печатью великой скорби и грусти на лицах.

... Люди думают, что они успеют сделать хорошее потом, что они смогут исправить свои грехи. Извините, жизнь коротка, она не ждет, пока ты насытишься, а потом начнешь давать подаяние.

10 мая 1994

Прошли весенние грозы, земля обновилась и ожила, в прекрасный зеленый наряд оделись деревья, поляны и городские лужайки. Весна дает знать, что, несмотря ни на что, жизнь продолжается.

С каждым днем человек должен становится мудрее, пронзительнее. Поступки людские зависят от того, как ты к ним относишься. Поступок, который один оставит без внимания, другой переносит болезненно. Наверно поэтому мы легко осуждаем и судим людей, не понимая, как мы сами поступили бы.

Человек, мне кажется, всегда должен постараться понять другого человека.

27 июня 1994

Что происходит в моей маленькой древней республике? Это что, политические страсти?..

Если задуматься над всеми этими событиями, голова идет кругом. Ведь идет самоуничтожение нации. С первых дней так называемого "освобождения". Я могу говорить об этом, исходя из фактов, потому что, находясь на рабочем месте каждое дежурство, вижу, как гибнут наши ребята. Да, погибают парни молодые, красивые, и никакие громкие слова не могут нам заменить их.

Что ждет Чечню? Я не вижу будущего, или мне страшно его представить.

6 июля 1994

Все подвластно судьбе. Ничего в ней нельзя изменить. Надо жить, принимая и коварство, и любовь, и удачу, и потерю одинаково. И благодарить судьбу за то, что ты имеешь, за небо, за звезды, за улыбку, за жизнь.

Судьба, не пожалей добра!!!

30 августа 1994

Завтра начнется последний школьный год Билала. Дай Аллах, чтобы он прошел благополучно. Билал для меня лучший друг, он уже помогает материально, он будет благородный и красивый парень. Надо Азамата куда-то определить. Была бы финансовая возможность, я бы его в колледж устроила...

10 ноября 1994

Вчера, 9 ноября, был вечер, посвященный творчеству Апти Бисултанова. Это было что-то неземное! Поэт читал свои стихи, и это надо было видеть. Несмотря на мороз уже почти зимний, в зале было тепло, тепло от почитателей поэта. Розы, улыбки, прекрасные слова в его адрес – всего этого невозможно передать! А выступление самого поэта... Это уже точно неземное. Очень верно подметила Тамара Музаева, министр культуры: Апти был прекрасен.

Как бывший однокурсник и как друг-поэт присутствовал вице-президент Яндарбиев. Я обратила внимание, какими глазами он смотрел на Апти. В этот момент, мне кажется, он ему завидовал.

Да... положение в обществе, состояние, должность – все это мишура, жизнь – это момент. Жизнь – это ничто, ведь она вот есть – и нет ее, это просто дорога к смерти, а смерть – вечность. А мы все что-то придумываем, мудрим. А ведь мы даже не в состоянии что-то изменить в своей жизни.

Мне жаль людей, которые не смотрят вслед журавлям и не желают им счастливой дороги, которые не замечают, как красиво падают листья и как прекрасно расцветают яблони весной. Мне их жаль – тех, кто не понимает вечность.

9 декабря 1994

С 26 на 27 ноября была попытка военного переворота. Оппозиция потерпела поражение. В Грозном произошли жестокие бои. Пострадали мирные жители, погибли молодые и красивые парни. Мне почему-то казалось, что в нашей маленькой красивой Чечне не может быть братоубийственной войны. А она уже началась. Аллах, спаси и помилуй нас!

Что же будет с нами, о Аллах!

Только Тебя мы можем просить о помощи.

Отцов и матерей разлучили с детьми,

Брата разлучили с братом.

Солдаты отняли, опустошили все,

Дома без отцов охладели...

11 декабря 1994

Город в хаосе...

С трех сторон к Грозному подступают российские войска. Я не могу понять, с чем и зачем они

сюда явились. Но ничего хорошего, мудрого они не сумеют здесь сделать.

Нахожусь на дежурстве, в больнице. Обстановка военная. Нервы на пределе.

Но этот ужас и этот страх перекрывает жизнь. Она продолжается. Нас охраняет пост.

О Аллах! Помилуй нас.

16 декабря 1994

Обстановка все напряженнее. Идут бои на подступах к Грозному. В городе пока спокойно. Есть жертвы. Гибнут ни в чем не повинные парни, мирные жители. Неизвестность... С ума можно сойти от всего этого. Я завидую мертвым. Прости меня, Всевышний!

26 декабря 1994

Военное положение в Грозном усиливается. Город бомбят каждый день.

27 декабря 1994

Дежурство прошло спокойно.

В детстве я по фильмам военным видела: холод, при свечах врачи принимают раненых. И никогда не думала, что я сама смогу вот так под грохот бомб и стрельбы работать, оперировать. Я не знаю, что со мной будет завтра. Но сегодня я хочу жить полной и красивой жизнью. Ведь она так прекрасна — эта жизнь.

5 января 1995

Весь ужас увиденного передать нельзя, у меня не хватит слов. 30 декабря я ушла па дежурство и попала на оцепленный участок. Нахожусь в подвале с сыном и сестрой. Писать невозможно. Если останусь живой, опишу подробно все, что пережила.

Если умру, простите меня, я желаю всем добра и всех люблю.

Написала при свете костра.

9 января 1995

Бои идут без перерыва, на улицах полно трупов. Российские солдаты безумствуют. Жизнь в подвалах пока продолжается.

16 января 1995

Бои не прекращаются ни на минуту. Город превращают в руины. Русские солдаты уже хозяйничают в городе. На улицах лежат трупы, их грызут обезумевшие собаки. Начала работать, но не знаю, чем все это закончится. Со мной рядом оказался сильный и смелый парень Руслан.

Сестру, сына и племянника я отправила в Толстой-Юрт. Не знаю, как они, доехали или нет.

О Аллах, все в Твоих руках. Ты видишь весь этот ад. Прошу Тебя, смилостивись над нами!

17 января 1995

Я оказалась, в самом деле, очень сильной женщиной. Сегодня в поселке Калинина за гаражами захоронила 14 трупов мусульман. Спасибо людям этого поселка, особенно парню по имени Эмин.

Мы находились в подвале детсада № 25 на улице Патриса Лумумбы. Но сегодня нас оттуда выгнали. Там поселились русские солдаты, т.е. солдаты В[ооруженных] С[ил] Р[оссии].

Не знаю, что с родителями и с детьми. И не знаю, что будет со мной. Но я начала что-то делать, и хочется весь этот ужас пережить и остаться живой.

...

Точно не знаю, какое число, день недели. Издевательства и надругательства этих вандалов продолжаются. Как у меня хватает сил видеть все это — не знаю.

Люди — как затравленные звери. Я не могу понять их психологию, их души. Вместо того, чтобы смириться и обратить свои молитвы к Всевышнему, они грабят все подряд: магазины, частные предприятия, склады. Лезут под перестрелку, на мины, чтобы взять. О Аллах, когда этому будет конец! Скоро месяц, как мы находимся в этом аду, а впереди только неизвестность.

Больше всего я переживаю за братьев. Как они там? Что с ними? Дай Аллах выжить и остаться людьми. Не потеряться, не потерять достоинства человека. Как бы я хотела сегодня поговорить с Апти Бисултановым, Мусой Ахмадовым... Где же вы сегодня, родные, чье слово острее бритвы? Пусть вас милует судьба. А я буду молиться, чтобы вы остались в живых.

...

О Аллах! Я не в силах описать всего этого. Что творят здесь солдаты! Нас продали. Сегодня они здесь ходят, пьют, осушают головы водкой. Пьяный солдат — он не понимает, что делает. Ему безразлично, убьет он сегодня кого-нибудь, или нет. В каждом человеке ему мерещится враг. Поэтому мне страшно. Как их много, о Аллах! Россия научилась держать Чечню в состоянии, подобном аду. Ермолов, Сталин, Ленин... Сегодня вот — Ельцин, война... Иногда пьяные солдаты начинают воевать друг с другом, и многие так погибли. О Аллах, прошу Тебя, не дай им погубить села! Пожалей нас, прошу Тебя, о Аллах! Прости бедных!

Я благодарна Тебе за все, что Ты даруешь мне.

...

С каждым днем все страшней...

Позавчера чеченские парни сделали засаду. Аллах спас, я поговорила с ними, объяснила миссию, которую я выполняю, и все обошлось. А сегодня под ноги стрелял пьяный солдат. С ним нельзя говорить, он матерится, он видит в каждом мирном жителе врага.

30 января 1995

Война продолжается, и никто не знает, когда все это кончится. Просыпаешься — и слышишь гул тяжелого орудия, автоматные очереди, матерщину солдат. Это жестоко, но я приемлю все от Аллаха, Он Всемогуш и Справедлив.

Сегодня один человек из Ачхой-Мартана, Висаитов Л.Н., искал своего брата и наткнулся на нас. Его брат похоронен в поселке Калинина среди погибших. Мы не смогли его увезти. И там, где он похоронен, солдаты заминировали могилу.

Я не знаю, как мои братья. Дай Аллах, чтобы с ними ничего не случилось! Бедные матери! Аллах, береги нас!

2 февраля

Начинается месяц Рамадан. Аллах, я прошу Тебя, не лишай нас своего милосердия!

От боли разрывается сердце. Стынет кровь и темнеет в глазах. Весь город горит. Разрушены дома. То, что не сделали в 1940–1945, сделали сейчас. Хуже немцев сделали. Столько жестокости, столько издевательств! Как же не предотвратил этого наш президент? Вчера мы выбрали президента, а сегодня нас давит Россия, растаптывают солдаты. Аллах накажет их.

3 февраля. Утро, 5 часов.

Давайте вспомним и сопоставим. Эти три года народ сходил с ума. Если сосед случайно задевал на повороте трубу от ворот своего соседа, тот мог выскочить и выстрелить в своего соседа. Также человек мог сбить пешехода и уехать. Убивали за деньги, жизнь человека не стоила гроша. Автомобили, проскакивая, стреляли в прохожих. Пьяные наши парни были очень жестоки. А сегодняшний день — это плата за все...

Опять начался артобстрел. Со свистом пролетают снаряды, и неизвестно, в какой момент они разорвутся над твоей головой. Вчера пьяный солдат стрелял на консервном заводе, в месте расположения штаба Российских войск. Убиты шесть русских солдат, есть жертвы среди жителей.

Вчера же пьяный солдат, требуя водки, стрелял в старую женщину.

6 февраля 1995

В Грозном в данный момент центром является Консервный завод. Все начинается отсюда, здесь так называемый российскими солдатами "глубокий тыл". Конца этой ужасной войне не видно. Временное правительство пока не представляет ни один порядочный и твердо знающий, что надо для города, человек. Харджиев Сулумбек — он умный и грамотный человек, но сегодня этого мало. Как во все времена, вокруг него собираются "баррикадные герои" и подлизы. Но, так или иначе, мой народ, или, точнее сказать, мое поколение подвержено геноциду.

Вчера 23 трупа отвезли на русское кладбище, где Консервный завод. Каждый второй пропал без вести. Пристреливают просто так детей и женщин. Они никого не щадят и ничего.

Война войной, а жизнь продолжается. Люди, с которыми я живу — как одна семья. Это Руслан Исаев, с первых дней работаем вместе, Наваль, моя родственница, а теперь уже и близкая подруга...

7 февраля

Сегодня я попала в "Дом печати". Не дай Аллах никому пережить того, что было у меня на душе. Чуть не разорвалось мое сердце. Апти, Муса, сколько раз мы читали книги здесь, в этом кабинете. Сколько раз говорили, делились друг с другом мыслями о чеченской литературе. Когда я увидела, что стало с этим кабинетом, у меня слезы в глазах не могли остановиться. Я стала собирать журналы. И тут ко мне подошли два российских солдата и спросили:

" Ты что, не боишься? Скажи правду".

Я спросила:

" А кого я должна бояться?" А потом сказала: "Я боюсь смерти ".

Жалко тех, кто пропал без вести. Разбомблены наши кладбища, сожжены могилы.

Сегодня похоронены верующие ребята. Они молились, делали намазы, а теперь их похоронили, не искупав, без марчи, без правильно вырытой ямы.

Апти, я расскажу тебе все, что здесь происходило.

Сегодня сожгли 15-летнего Сапербеева Супьяна. Он был очень хороший мальчик. Российские солдаты убили двоих парней из поселка Калинина, Баркиханова Бисата и Заура Озиева. Они сожгли их обоих. Неизвестно, чья очередь завтра. Зачем они так жестоки? О Аллах, помоги!

Иногда меня охватывает такой страх, что будто бы обе руки отняло. Я думаю снова и снова: не дай Бог быть такими жестокими, как они. О Аллах, помогай нам, оберегай от плохого!

Завтра постараюсь поговорить с Сулумбеком Харджиевым.

9 февраля 1995

Сегодня нас остановил офицер, меня и русского Валеру. Он пугал нас, направлял автомат и говорил, что пристрелит.

Но, чувствуя нашу уверенность, он разуверился в своей правоте, отпустил нас и сказал: "Вы знаете, я вчера здесь потерял 60 человек".

Пришел весь избитый и раненый парень Асланбек Магомадов. Раньше он жил на улице Обручева. Пока живет здесь.

Завтра в Ачхой с трупом брата едет Абубакаров. У меня возникло желание прорваться с ним к себе домой. Это связано еще с тем, что сегодня передали, что бомбят Бамут.

10 февраля 1995

Сегодня найдена машина ЗИЛ-131. Эта машина была выделена для работы МЧС с населением. Водителем работал парень, уроженец Грозного, армянин. Ему 23 года, Дадаян Карен. Машину подорвали. Вместе с Кареном в машине был Асланбек. Оба сгорели. Сегодня просто без всякой причины расстреляли 16 парней из поселка Старая Сунжа...

С ума можно сойти, не знаю судьбу родителей, детей, братьев...

О Аллах, спаси нас.

Это — последняя запись в дневнике Мадины Эльмурзаевой.

В тот же день, 10 февраля 1995 года, ее не стало.

О МАДИНЕ ЭЛЬМУРЗАЕВОЙ

Из воспоминаний Шукран Илаевой, медсестры 1-й горбольницы Грозного

...Она очень любила свою работу. Она такой была... Матерью Терезой. Я ее ругала: нельзя так уж, чересчур, все отдавать...

Мадина перешла к нам из Республиканской больницы. Сразу коллектив ее полюбил: человек отзывчивый, добрый. Как говорится, будь проще, и люди потянутся к тебе — вот она была из таких. Как магнит тянула к себе людей. Себя не жалела. К ней шли по всякому поводу, даже личное свое что-то доверить... Случалось, что надо сделать грязную работу, медсестры брезговали, а она все делала. Врачи ее уважали. Была бы у нее возможность учиться, она далеко бы пошла. Но у нее даже специального образования не было. Она не стыдилась этого. Врач в любой момент мог подменить ее операционную медсестру. Она сразу все запоминала, хватка у нее такая была, что не надо долго объяснять: раз, показал, со второго раза она уже сама все делает...

Мадина жила на квартире у бабушки одной, бабы Маши. Больная старушка, за ней уход был нужен. Мадина ее обстирывала, убирала за ней. А когда съехала с квартиры — все равно приходила, навещала, помогала. Я говорю: "Зачем тебе это? У нее ведь там дед, сын есть, пусть смотрят". Она: "Не могу, надо помочь..." Жалость какая-то у нее была непреодолимая...

О встрече нового 1995 года в 1-й горбольнице

Как сейчас помню — я танцевала... Бомбят. Думаешь, вот-вот разлетится это бомбоубежище, вот уже последняя минута, и каждой минутой живешь, вот сейчас все равно тебя не будет, надо жить!

Потом голодно в больнице стало, кончилась пища.

Мадина сказала:

"Я пойду".

Я говорю:

"Ты что? Тебе больше всех надо? Куда ты, под пули лезть?..."

Она:

"Да ладно, что суждено, то суждено..."

Ладно, думаю, я-то не полезу туда... А она пошла. И нашла, как можно пройти. На следующее утро первую партию людей за собой под белым флагом вывела...

Она не умерла для нас...

Брат мой был среди тех, кого Мадина вывела из больницы. А мы остались. Потом федералы пришли, закрыли нас, сказали: "Вы поедете с ранеными".

Потом нас вывели всех, погрузили в одну машину и отвезли в Толстой-Юрт. С тех пор я Мадину не видела.

А 16 февраля я приехала сюда, и мне рассказали, что случилось. Я не поверила, говорю: "Нет, не та, мне нужна вот эта Мадина..." Когда объяснили мне, наконец, я не могла встать, зрение на мгновение пропало, не знала, где нахожусь...

Она не умерла для нас. Глаза закроешь — вот она перед тобой, эти впавшие глаза, эти брови... Мне кажется, живи она сегодня, и не было бы всего этого, что творится сейчас...

(С магнитозаписи)

Из воспоминаний Наваль Акуевой, родственницы Мдины Эльмурзаевой и сотрудницы ее группы

...Сначала ходили по окрестным домам, по девятиэтажкам, находили очень много раненых, помогали. Один случай помню. Пуля ранила девочку-ингушку выше локтя и прошла насквозь. Из многодетной семьи была девочка, меньше 14 лет и без матери. Помню, как Мадина делала ей дренаж. Эту рану надо было обмотать, продезинфицировать и прочистить. Я посмотрела — и убежала оттуда. А девочка бедная даже не пикнула. На живую, без всякого обезболивания Мадина ей сделала. Слава Богу, спасла девочку...

Мы жили, как одна семья. Я в основном сидела дома, стирала, готовила, следила, чтобы печка была горячей к их приходу. Руслан и Мадина с Валерой за рулем каждый день выезжали, собирали

трупы, помогали людям. Однажды сосед нам говорит: какой-то парень пришел, раненый, посмотрите . Звали его Асланбек. Без обуви, весь побитый, замерз, холодно ведь было очень. И ранение в ногу-Мадина оказала ему первую помощь. И он остался с нами.

Очень много было ситуаций, когда они как по лезвию ножа ходили. Помню такой случай. Из домов ведь все вышли, кто в чем, наспех, лишь бы добежать до первого подвала. Руслан одет был кое-как, а квартира его сторела. И я дала ему отцовский тулуп. Однажды он возвращается и говорит: "Ой, меня из-за этого тулупа чуть федералы не расстреляли". А сам он смуглый, похож на араба. "Говорят: ты наемный, такой-сякой..." Еле-еле, говорит, спасся.

10 февраля, как обычно, работа у них кипела. Был очень большой поток народа. Приходили — кто с чем: кто за медикаментами, кто с вопросами, за советом. Довольно рано, часов в десять, они уехали. Я, как обычно, ждала их к четырем. Вдруг приезжает Руслан, расстроенный, как убитый. Я спрашиваю: "Руслан, в чем дело?" Он говорит: "Так вот... Мадина попала под взрыв".

Вот что он рассказал. Приехали какие-то люди и попросили отправиться с ними в поселок имени Войкова за тяжело раненым родственником. Им нужен был человек в белом халате. Мадина тут же согласилась. Руслан пытался ее отговорить, поселок Войкова все-таки — страшное место, там стреляли, и далеко он, и очередь не ее была ехать. Но Мадина сказала: "Нет, Руслан, я поеду. Если люди просят, я должна им помочь". Мост через Сунжу был разбомблен, перебирались, кажется, даже на лодке. Нашли тот двор, нашли труп: человек уже умер.

Мадина положила труп на носилки, склонилась над ним, чтобы накрыть покрывалом... И тут прогремел взрыв. Труп оказался заминирован. Двое случайных мальчишек, которые присоединились к Мадине, чтобы добраться вместе до "Консервного", остались калеками. Мадина умерла сразу...

ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ...

(О судьбе ближайших родственников Мадины Эльмурзаевой)

Обильная жатва.

(об Алиме, родном брате Мадины Эльмурзаевой)

В Грозном говорят: беды во время войны если уж сыпятся на семью, то сыпятся обильным градом.

У Люды Атуевой, родной сестры Мадины Эльмурзаевой, в самом начале войны случайный осколок снаряда убил мужа. Не прошло и двух месяцев, как погибла и Мадина.

Когда в октябре 1999-го на Грозный снова обрушились ракетно-бомбовые удары, Люда уже не медлила — вывезла в Ингушетию всех детей: своих четверых и троих племянников, детей Мадины, — которые числились теперь ее подопечными.

Там до нее дошла весть, что в Чечне, в родном селе Лермонтов-Юрт, арестован ее родной брат Алим.

Люда Атуева:

"У него просто нашли оружие. У нас преступность была очень высокая, оружие держали все, чтобы защищаться. Ведь и ночью Могли ворваться. Даже у меня было оружие..."

Разобравшись, что в вооруженных формированиях Алим Эльмурзаев не участвовал, ему дали небольшой срок за "незаконное хранение оружия". В лагере на Ставрополье Алим ничем не раздражал начальство, трудился усердно, был хорошим товарищем, положительно влиял на окружающих и освобожден был условно-досрочно.

Люда Атуева:

"Такое счастье было, когда он приехал неожиданно. С автобуса сошел, а к нам уже соседка бежит: "Магарыч с вас, Алим приехал!" А в это время к нему ехал отец. Он был очень энергичный, 80 лет человеку, а он поехал в Ставрополь с передачей. Приезжает, а ему говорят: "Дед, да его выпустили!" Он не поверил. "Да вот журнал, освободили мы его сегодня!"

А у нас люди собрались. Смотрим, и отец из Ставрополя приехал, довольный такой, радости было столько..."

Алим работал в совхозе. Посадил полгектара кукурузы, у дома большой огород вскопал. Вставал, едва рассветет, и шел работать на земле. 9 мая отметили праздник отца — День Победы. Сайдали Эльмурзаев получил поздравление: "Мы, благодарные потомки героев Великой Отечественной, всегда будем помнить ратный подвиг... Вечная слава героям... Позвольте от всего сердца пожелать Вам, дорогой Сайдали, крепкого здоровья, бодрости и долголетия. Счастья и благополучия Вашим близким. Президент России В.В.Путин".

А три недели спустя, в ночь с 31 мая на 1 июня, в дом Сайдали ворвались вооруженные люди в масках.

"Что вам нужно, ребята?" — спросил Сайдали.

"Ничего, ничего, отец, лежи, мы уходим, — сказали они, закрыли дверь и заперли старика снаружи.

В окно Сайдали видел, как уводили Алима. Ждали, пока оденется. И двух его двоюродных братьев из соседнего дома забрали, тем и одеться не дали. Один из них, Хумид, на сене под навесом спал — оттуда и забрали.

Как ни пытался Сайдали — не смог он прорваться к сыну. А когда сказал, что он — инвалид войны, кто-то из тех, в масках, грубо отрезал: "А нам-то что? Ты Советский Союз защищал, а сейчас у нас — Россия".

Тут же сестра побежала в комендатуру, взмолилась:

"Если вы не поможете, они увезут их! Помогите!"

Те отказались: мол, ничего не знаем, мы не хотим вмешиваться...

Люда Атуева:

Так они и исчезли, Алим и двое этих ребят, Хумид и Хамад. Хорошие пацаны были, ничем они противозаконным не занимались..."

Поиски по инстанциям оказались тщетными: нигде Алим не числился. Прокуратура возбудила дело по факту похищения Алима.

Мама, Сайгат, поставила деревянный топчан под навесом и целыми днями, не отрываясь, смотрела на дорогу: может, появится Алим. Детей просила: "Походите по трассе, посмотрите, может, его хоть мертвым подкинут..."

29 июня, не прожив и месяца со дня исчезновения Алима, Сайгат Эльмурзаева скончалась.

Сайдали недоумевал: "Зачем они так делают? Раньше судили. Мы бы передачи ему носили, знали бы хоть, где он находится".

Исчезновение истощает родных куда сильнее, чем смерть. За несколько месяцев из высокого, энергичного человека Сайдали превратился в высохшего, согбенного старика.

27 сентября 2002 года он скончался.

Люда Атуева:

"А потом, осенью, мы картошку выкапывали... Такой богатый урожай был! То, что Алим посадил... И кукуруза, и фасоль — все уродилось так обильно..."

Какой же он добрый был, мухи никогда не обидит, людей любил, животных любил, всем помогал. Когда какие-то споры возникали в семье, он всех мирил. Письмо у меня есть, парень русский, что в лагере познакомился, пишет ему "Саваш" ("Мой брат"). А когда он вернулся из лагеря, посылки посылал ребятам, которые там остались..."

У Алима осталось семеро детей, все несовершеннолетние. Младшему на момент исчезновения Алима не исполнилось и одного года...

Он тоже хотел учиться.

(о судьбе Азамата Успаева, младшего сына Мадины Эльмурзаевой)

— Вы говорите, что Мадина очень хотела учиться. Что же случилось, почему она не поступила на филологический факультет в Грозном?

Люда, сестра Мадины, застенчиво улыбается.

— Мадина поступала, и экзамены хорошо сдавала. Но девушка она была видная, привлекательная. За ней стали ходить парни. Отец увидел это и строго сказал: "Не будешь учиться!" И увез ее обратно, в Лермонтов-Юрт. Вот так, по-старинке...

Мадина была сосватана еще с детских лет за сына односельчанина. Но брак вышел неудачный, муж огорчал жену, выпивал, а незадолго до войны и вовсе ушел из семьи. Все счастье Мадины было в детях.

"Они у меня, слава Всевышнему, умные, понятливые, и самое главное — искренне любят меня. Мне кажется, этого достаточно — чтобы дети были красивые, здоровые и умные", — писала она в дневнике.

Мадина мечтала, чтобы учились дети, раз уж ей не удалось. Особенно младший — Азамат. Он тоже хотел учиться, но война упорно препятствовала этому. Азамату было 13 лет, когда он лишился матери. Первая война отняла год учебы. Вторая не дала возможности завершить среднее образование, прервала учебу в ПТУ № 3 города Грозного, куда Азамат поступил летом 1999. Три года он провел в Малгобеке — красивом предгорном селении в Ингушетии. Вместе со старшим братом Билалом он работал в строительной бригаде.

Власти упорно внушали беженцам в Ингушетии, чтобы они возвращались, непременно возвращались в Чечню, где будто бы все наладилось, и жить уже не опасно, где их ждут с распростертыми объятиями. Азамат не хотел возвращаться. Он уже был в Грозном в 2000 году, получал паспорт, сдавал экзамены в училище. Его тогда схватили, жестоко избили и не сразу выпустили. С тех пор он в Грозном не был. Решился приехать только в мае 2003 года. Он хотел сдать экстерном экзамены в ПТУ, получить свидетельство и поступить на филологический факультет университета в Грозном. Учиться же он рассчитывал в Ростове, куда из Грозненского университета можно перевестись.

Около девяти часов вечера 4 июля 2003 года Азамат шел по улице вместе с приятелем, знакомым еще со школьных лет. Внезапно к молодым людям подкатили две машины. Вооруженные люди положили Азамата и Султана лицом к земле, связали, бросили в машину и увезли в РУБОП. С дрожью в голосе говорят жители Грозного об этой организации: "Это — страшное место..." Известно, что методы дознания там применяются изощренные.

Долго родные ничего не знали о судьбе Азамата.

В мае 2004 года состоялся суд. Азамата приговорили к 17 годам заключения по обвинению в терроризме.

На суде Азамат виновным себя не признал. Объяснил суду, что после ареста несколько дней и ночей подряд его держали прикованным наручниками к батарее, не кормили и не давали воды, истязали, били, осыпали чудовищными угрозами. Он вынужден был подписать протоколы самооговора .

Суд не принял во внимание показаний Азамата. Проигнорировал он и показания брата о том, что Азамат был с ним в Малгобеке, в Ингушетии в то время и в те часы, когда в Грозном совершались преступления, в которых обвинили Азамата.

Только самооговор на следствии — и ни одного доказательства вины в судебно-следственном деле Азамата. На это указал Верховному суду в кассационной жалобе его адвокат. Но и кассационный суд, состоявшийся в конце сентября 2004 года в Москве, оставил приговор Азамата без изменения .

В марте 2005 года дело Азамата Успаева было передано в Страсбургский суд.

Азамат с детства был скромный, застенчивый, неразговорчивый мальчик. В 13 лет он тяжелее всех родных перенес смерть матери. Говорят, долгое время не мог смеяться, улыбаться, радоваться жизни. Теперь, едва вступив во взрослую жизнь, он столкнулся с жесточайшей несправедливостью, получил опыт неповинных страданий, пыток, голода, заточения. Но все-таки ему повезло больше, чем Алиму, его дяде. Он не пропал без вести, как часто это бывает с задержанными в Чечне. Он жив. А значит и есть надежда, что справедливость восторжествует, и он окажется на свободе.